

Таркань Сюч пишет, что главными историческими этапами развития тамговых знаков были знаки-рисунки, знаки-буквы, знаки-цифры и их комбинации. Между тем, как кажется, что на основании многочисленных данных можно выделить следующие этапы: 1) родовые знаки-рисунки, изображающие животных или птиц — прародителей родов; 2) родовые знаки в виде частей этих животных или птиц, появившиеся с выделением из рода первых семей; 3) родовые знаки, формы которых происходили от изображений предметов обихода; 4) наконец, тамги-буквы, тамги-цифры и т. д.¹⁷

Не совсем прав автор, утверждая, будто тамговые знаки в виде круга восходят к солнечным символам северных и восточных народов (стр. 259). У всех племен и народов со времен эпохи бронзы это изображение связано с солнечным диском¹⁸. Утверждения требует и утверждение о том, что древнейшими можно считать те тамги, у которых есть названия, имена (стр. 258). Это далеко не так. Древнейшие названия тамг исчезли в ходе исторического развития по мере разветвления родов; впоследствии тамги стали называть по имени тех предметов обихода, которые они изображали¹⁹. В большинстве случаев сохранились эти новые названия²⁰.

По-видимому, нельзя утверждать, что изображение «журавлиных лапок» имеет один и тот же смысл (стр. 259). Еще в средние века этот же тамговый мотив имелся и «гусиной лапой», и «куриной грудной костью»²¹ и «сорочьей лапой»²² и т. п. Это говорит о том, что владельцы тамг связывали их происхождение с разными источниками. И это неудивительно, ибо в числе тотемов — прародителей многих родов — были и разные птицы. Общее явление — изображение частей этих птиц в качестве тамг, когда они с выделением семей из рода становились самостоятельными тамгами, «выделявшимися» из общеродовой тамги²³.

В. С. Драчук

¹⁷ В. С. Драчук, Родовые тамги на предметах быта, стр. 40—42; П. С. Ефименко, Указ. раб., стр. 272, 286—287, 292 — табл. тамг, №№ 361—365; О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 13; В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских уртов, «Сов. этнография», VI—VII, 1947, стр. 158—185.

¹⁸ J. D'Echelette, Le culte du soleil au temps prehistoriques RA, 4 ser., t. XIII, Paris, 1909, p. 314.

¹⁹ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 158—185, рис. 12—15.

²⁰ См. например: О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 14; Г. Н. Анпилогов, Бортные знамена как исторический источник, «Сов. археология» 1964, № 4, стр. 167—168 и др.

²¹ О. Акчокраклы, Указ. раб., стр. 14, №№ 26, 27.

²² Г. Н. Анпилогов, Указ. раб., стр. 168, рис. 319, 320, 321, 323.

²³ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 138—185, рис. 12—2, 3, 4.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. В. Крюков. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. 201 стр.

Пожалуй, трудно найти в истории Китая другой период, который привлекал бы внимание столько исследователей и по которому было бы высказано такое большое число точек зрения, как эпоха Инь-Чжоу. В то же время приходится отметить, что в исторической науке пока еще не сложилось единого мнения относительно того, когда древнекитайское общество завершило переход от первобытнообщинного строя к классовому, и было ли это классовое общество по своему характеру рабовладельческим или феодальным. Нерешенными остаются и многие вопросы периодизации древнекитайской истории. Между тем проблема характеристики социально-экономического строя Инь-Чжоу, вопросы периодизации древнейшей истории Китая не только имеют серьезное значение для понимания всей последующей истории самих китайцев, но и самым тесным образом связаны с изучением древнейшего периода этнической, социально-экономической и политической истории ряда других народов Восточной Азии.

Очевидно, ответы на эти вопросы надо искать в изучении различных форм социальной организации древних китайцев. Именно этой актуальной теме посвящена книга М. В. Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев».

Прекрасное знание мировой литературы по исследуемому вопросу, глубокий анализ уникальных по своему характеру эпиграфических памятников, изучение сложнейших нарративных источников позволили автору не только воссоздать картину развития социальной организации древних китайцев, но и поставить ряд теоретических проблем общей этнографии.

Будучи специалистом в области древнекитайской палеографии, М. В. Крюков впервые в советской литературе дает всестороннюю характеристику эпиграфических памят-

тинок периода Инь-Чжоу, выделяя иньские надписи на черепашьих щитах и коровьих лопатках, а также надписи на бронзовых сосудах. В работе не только содержится описание этих своеобразных памятников, но также подробно излагается история их изучения, что непосредственно связано с вопросом использования этих памятников в качестве исторических источников. Автор с большим уважением относится к достижениям своих предшественников (Дун Цзо-бинь, Ван Го-вэй, Жун Гэн, Лю Шн-пэй, У Ци-чан, Тан Лань, Э. Шавани, Б. Карлгрен и др.), вклад каждого из них показан ярко и выпукло. Вообще этот раздел, написанный на основе огромного источниковедческого и историографического материала, выходит далеко за рамки простого обзора источников и представляет собой самостоятельное, законченное исследование. Теоретические положения автора подкреплены тщательным комментарием памятников Инь-Чжоу. Характеризуя письменные источники по изучаемой теме, автор совершенно справедливо обращает внимание на проблему их аутентичности. Подробно описаны в книге привлекаемые автором археологические источники.

Во введении М. В. Крюков следующим образом определил основное направление своей книги: «Настоящая работа не ставит своей целью дать полное изложение истории социальной организации в древнекитайском обществе. Ее главная задача — на основании изучения древнекитайских источников XIV—IV вв. до н. э. попытаться решить вопрос о сущности организации *цзунцзу* и выяснить ее соотношение с другими социальными институтами» (стр. 19).

Однако круг вопросов, охваченных исследованием, значительно шире. Так, большое внимание в работе уделено оценке чжоуского завоевания (XI в. до н. э.), которое положило конец гегемонии Инь в бассейне Хуанхэ. Средневековые китайские авторы называли это событие «революцией У-вана». И в наши дни многие историки и этнографы связывают с падением Инь существенные этнические и социально-экономические сдвиги в китайском обществе (а возможно, и вообще в Восточной Азии). Анализ обстановки в Иньском Китае накануне Чжоуского завоевания, когда не одни только чжоусцы претендовали на гегемонию в бассейне Хуанхэ, исследование сущности «наследственных пожалований», а также системы взаимоотношений между ваном и чжухоу позволили М. В. Крюкову прийти к выводу о том, что «на грани эпох Инь и Чжоу не было революции „У-вана“, которая могла бы сколько-нибудь существенно изменить структуру общества» (стр. 75). Соглашаясь с основным положением автора, нам хотелось бы отметить, что порой в пылу полемики он склонен совершенно отрицать то, что чжоуское завоевание было определенным рубежом в древней истории Китая. В то же время в других разделах своей книги автор приводит довольно красноречивые данные о различиях, имевших место в иньском и чжоуских обществах (например, при характеристике системы наследования в Инь и Чжоу) (стр. 97—105). Нельзя, на наш взгляд, также забывать о том, что события, связанные с падением Инь, не только вызвали значительные сдвиги населения в бассейне Хуанхэ, но и несколько позже, подобно расходящимся кругам от брошенного в воду камня, отразились на этническом составе сопредельных территорий¹.

Центральное место в книге М. В. Крюкова уделено характеристике *цзунцзу*. Реконструкция различных форм социальной организации китайцев неразрывно связана с трактовкой тех или иных терминов, сохранившихся в источниках. Так, для понимания социальной структуры древнекитайского общества периода раннего Чжоу огромное значение имеет трактовка термина *цзя*, который, по мнению ряда исследователей (Ян Куань и др.), якобы свидетельствует о существовании в раннем Чжоу категории «семейных рабов». Между тем лингвистический анализ источников позволил М. В. Крюкову убедительно показать, что термин *цзя* пережил значительную эволюцию: первоначально, в эпоху Инь, этот термин обозначал место принесения жертв общему предку (стр. 80), а позднее, в эпоху Западного Чжоу, он служил для обозначения коллектива людей, приносящих жертвы общему предку, т. е. для обозначения родственной группы (стр. 82). Даже в период Чуньцю *цзя* представляло гораздо более широкую родственную группу, чем «семья». Наряду с термином *цзя* для обозначения крупных родственных групп в чжоуское время употреблялись также термины *цзун* и *цзу*. С начала нашей эры в источниках прочно закрепляется термин *цзунцзу*, который вошел и в современный китайский язык.

М. В. Крюков считает *цзунцзу* организацией, представляющей собой не группу кровных родственников, а группу родственных семей, между которыми существовало строгое иерархическое соподчинение. По мнению автора, основные черты *цзунцзу* позволяют отнести ее к числу социальных форм патронимического типа. В своих последующих работах М. В. Крюков, исходя из многозначности термина патронимия, предложил употреблять для обозначения социальной организации типа *цзунцзу* термин клан².

¹ Р. Ф. Итс, М. В. Крюков, А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Народы КНР, Исторический очерк, в кн. «Народы Восточной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965, стр. 136.

² М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 84—94.

Понимание сущности *цзунцзу* было бы невозможно без установления соотношения между родом и *цзунцзу*. Эта проблема исследуется автором на основе анализа родового имени *син* и патронимического имени *ши*.

Страницы, посвященные критике «матриархальной теории» *син*, на наш взгляд принадлежат к числу лучших в этой книге. «Матриархальная теория» *син*, основанная на анализе структуры этого иероглифа, состоящего из двух компонентов («женщина» и «рождать»), имела много сторонников. Среди них мы встречаем и древних авторов (например, составители словаря «Шовэнь», II в. н. э.), и многих современных ученых, как синологов, так и специалистов по сопредельным странам. Между тем как это впервые в нашей литературе показывает М. В. Крюков, современное понимание иероглифа *син* установилось только в последние века до нашей эры, и, следовательно, присутствие элемента «женщина» не имеет никакого отношения к идее матриархальности (стр. 113), а сам термин *син* представляет собой родовое имя, восходящее к тотему. В отличие от *син ши* имело не тотемное, а эпонимическое происхождение.

Убедительным представляется вывод автора о том, что в чжоуское время основной социальной организацией древнекитайского общества была *цзунцзу*, которая существовала с патриархальным родом *син*. Причем *син* в эпоху Инь-Чжоу выполнял роль регулятора брачных отношений. Основным достоинством исследования М. В. Крюкова является глубокий историзм в подходе к рассматриваемым им явлениям. Автор пишет, что «существование родовой и патронимической организаций — явление историческое. Возникнув на стадии разложения патриархального рода, *цзунцзу* переживает его и продолжает существовать и после разложения родовых связей. Этот этап истории патронимической организации также отчетливо прослеживается на данных древнекитайских источников. К VI—V вв. до н. э. род *син* окончательно распадается. Родовые имена *син* утрачивают свое прежнее значение и постепенно забываются; патронимия *ши* постепенно превращается в фамилию» (стр. 153—154).

Древнекитайская *цзунцзу* рассматривается автором на фоне широких этнографических параллелей. Думается, что дальнейшие историко-этнографические и полевые исследования дадут новые доказательства в пользу социальной организации типа *цзунцзу*.

Несомненно заслугой автора является глубокое изучение экзогамных запретов в древнем Китае, основных особенностей древнекитайской системы родства, пережитков дуальной организации. Анализ источников позволил М. В. Крюкову выделить на основе древнекитайского материала три исторические формы экзогамии. Первая форма означала не только запрещение вступать в брак в пределах своего рода, но и требование осуществлять это в другом, строго определенном роде. Вторая форма экзогамии запрещала браки в пределах своего рода, но не определяла строго другого рода с членами которого можно заключать брачные союзы. Наконец, третья форма — экзогамия внутри патронимии *цзунцзу* (стр. 146—149).

Вскоре после выхода в свет монографии М. В. Крюков опубликовал ряд работ, как бы продолжающих и развивающих основные положения книги³. Особенно хочется отметить статью М. В. Крюкова «Социальная дифференциация в древнем Китае», которая, пожалуй, наиболее тесно связана с рецензируемой монографией. В этой статье М. В. Крюков, тщательно проанализировав социально-экономические институты эпохи Инь-Чжоу и широко привлекая этнографические параллели по другим народам, выдвинул гипотезу о том, что период господства патронимической организации *цзунцзу* представляет собой переходный исторический этап на грани родового и классового общества.

Теоретические положения, выдвинутые М. В. Крюковым в его монографии, а также в статье, опубликованной на страницах журнала «Советская этнография», способствовали развертыванию широкой дискуссии по проблемам общей этнографии и истории первобытного общества, которая сама по себе свидетельствует о важности поставленных М. В. Крюковым вопросов⁴.

В заключение хочется отметить еще одну особенность этого интересного исследования: в книге М. В. Крюкова использован широкий историографический материал.

³ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации; его же, Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики), в кн.: «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 190—249.

⁴ См. статьи в журн. «Сов. этнография»: Н. А. Кисляков. По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации», 1968, № 2; Н. А. Бутинов, Община, семья, род, 1968, № 2; С. И. Вайнштейн, Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.), 1968, № 3; Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, 1968, № 4; А. И. Робакидзе, Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи), 1968, № 5; Ю. М. Рапов, Была ли вервь «Русской правды» патронимией, 1969, № 3; А. И. Першин, К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности, 1970, № 2.

излагаются точки зрения ученых разных эпох, разных стран, а порой и разных мировоззрений, гипотезы и теории, предлагаемые этими учеными нередко прямо противоположны точке зрения автора, но это не мешает последнему с должным тактом и уважением освещать позиции своих оппонентов; там же, где это необходимо, автор аргументированно возражает им.

Выход книги М. В. Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев» — значительное событие в развитии синологии⁵ и исторической этнографии Восточной Азии. Приведенный в этой работе фактический материал, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке теоретических проблем общей этнографии и истории первобытного общества.

Р. Ш. Джарылгасинова

⁵ R. Felber, Neue Forschungen zur sozialen Organisation im alten China, «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd. XV, Heft. 1, 1969, SS. 151—158.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Herbert Wotte. Kaaram Tamo — Mann vom Mond. Leben und Reisen Miclucho-Maklais. Leipzig, 1969, 334 S.

Скоро исполняется 100 лет с того знаменательного в истории этнографии дня, когда Н. Н. Миклухо-Маклай впервые прибыл на Новую Гвинею. Вполне понятен поэтому тот интерес, который проявляет сейчас мировая наука к изучению жизни и деятельности великого русского путешественника, ученого, гуманиста, страстного борца за права угнетенных народов.

«Каарам тамо» — «человек с луны», «тамо русс» — «русский человек», «тамо Маклай» — так звали папуасы побережья залива Астролябии первого белого человека, поселившегося среди них. Сам же Миклухо-Маклай называл себя «белым папуасом». Его теоретические выводы и собранный им фактический материал, каждая крупинка которого добыта с огромными трудностями и часто с риском для жизни, имеют огромную научную ценность.

После выхода в свет полного, пятитомного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, в котором опубликованы дневники его путешествий, научные статьи по зоологии, антропологии, этнографии, лингвистике, а также его письма и некоторые письма его корреспондентов¹, стало отчетливо видно, что одни периоды в жизни и деятельности ученого отражены довольно полно, а другие, наоборот, весьма скудно. Так, все еще нет достаточных сведений о его студенческих годах (Петербург, Гейдельберг, Лейпциг, Иена, 1863—1868 гг.), о втором пребывании на берегу Маклая (1876—1877 гг.), о жизни в Австралии (1878—1886).

Поэтому мы с большим интересом встречаем выход в свет книг о Миклухо-Маклае в надежде, что найдем там новые, еще не опубликованные материалы.

Книга Герберта Вотте «Каарам тамо — человек с луны» посвящена описанию жизни и путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая, начиная со студенческих лет (1864—1868 гг.) и вплоть до его смерти (1888 г.) Автор обстоятельно изучил сочинения самого Н. Н. Миклухо-Маклая и хорошо знаком с литературой о нем.

Книга носит научно-популярный характер, что видно из самих названий глав (их 22): «С Геккелем на Счастливые острова», «Переодетый арабом», «Грандиозный план — и никаких средств», «Приключение начинается», «Возвращение в каменный век», «У людоедов острова Андра», «Борьба „белого папуаса“», «Ученый, борец, романтик» и т. д.

В книге помещены отрывки из неопубликованных ранее писем Миклухо-Маклая к Геккелю. Так, 2 октября 1868 г. Миклухо-Маклай пишет из Неаполя о своем пребывании в различных местах Италии (стр. 48, 49). Попутно он отмечает: «С глазами у меня стало хуже — я хотел бы поэтому быстрее поехать в Гонолулу или еще куда-нибудь» (стр. 49). 10 мая 1869 г. Миклухо-Маклай, застрявший в Суэце из-за карантина на пять дней, пишет: «Дорогой профессор! Я был очень удивлен, узнав, что Вы изучаете губки. Результаты Ваших исследований представляют для меня большой интерес, так как я также изучал губки в Мессине и главным образом из-за губок поехал на Красное море... Я добыл много интересного и надеюсь написать работу о губках Красного моря... В Суэце я пробуду несколько дней. Отсюда вдоль берега Малой Азии направляюсь в Константинополь — а куда дальше, еще не знаю. Но нахожусь в конце июля или августа прибыть в Иену, по крайней мере на несколько

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., тт. I—V, 1950—1954.